ОН ПОМНИЛ МЕНЯ ДО НАШЕЙ ВСТРЕЧИ

Станислав Оушен

Он помнил меня до нашей встречи

https://litres.ru/74728623
SelfPub; 2026

Аннотация

Незнакомец в кофейне называет Лизу прозвищем, которое знала только её мама. Он помнит жёлтую куртку, шрам под подбородком и пожар в детской больнице. Лиза почти ничего не помнит об этом дне — и не понимает, почему незнакомый мужчина говорит о нём с такой уверенностью.

В старом архиве сохранился мамин голос. Чтобы узнать, что произошло двадцать лет назад, Лизе придётся разобраться не только в чужих показаниях, но и в собственных отношениях с теми, кому она привыкла доверять.

Содержание

Глава 1. Девочка в жёлтой куртке 4
Глава 2. Задняя сторона снимка 7
Глава 3. Не всё, что забыто 14
Глава 4. Старая коробка из-под печенья 18
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Станислав Оушен
Он помнил меня до нашей встречи

Глава 1. Девочка в жёлтой куртке

— Ты всё ещё боишься красных дверей?

Мужчина сказал это в очереди за кофе. До него было два человека, до меня — один. Он стоял вполоборота, держал бумажный стакан и смотрел на меня так, будто мы просто давно не виделись.

— Вы ошиблись, — ответила я.

— Тогда откуда у тебя шрам под подбородком, Капитан?

Кофемашина шипела, кто-то позади нас нетерпеливо вздохнул. Я коснулась подбородка. Шрам был маленький, его даже Андрей не сразу заметил. А Капитаном меня называла мама. После её смерти это слово никто не произносил.

— Как вы меня назвали?

Он понял, что зашёл слишком далеко. Поставил стакан на подоконник, показал пустые ладони.

— Павел. Мне нужно поговорить с тобой. Не здесь.

Я отступила к выходу. В кармане зазвонил телефон: коллега спрашивала, успею ли я к совещанию. Мужчина не пы-

тался остановить меня.

— Осень две тысячи четвёртого, — произнёс он вслед. — Детская больница на Мельничной. Ты была в жёлтой куртке. Не доверяй старой газете. Она напечатала не всё.

Я вышла под дождь. У меня не было жёлтой куртки. По крайней мере, я такой не помнила.

Телефон снова завибрировал. Андрей писал: «Забрать тебя после работы? Ливень». Мы жили вместе третий год. Он знал, что я сначала откажусь. Иногда всё равно приезжал и ждал у дальнего входа, слушая радио. Я выходила, ворчала на него за упрямство и садилась рядом.

Я набрала: «Сегодня сама». Стёрла и написала: «Забери. Только можно не сразу спрашивать, что случилось?»

Он поставил сердечко. И больше ничего.

Дождь застучал по козырьку остановки. Рядом девочка лет семи пыталась застегнуть куртку, цепляла молнией подкладку и злилась на мать. Та присела, поправила бегунок, и на секунду я увидела не лица, а две пары рук. Одни маленькие, другие в тонких кожаных перчатках. Вспышка не стала воспоминанием. Она исчезла, стоило мне моргнуть. Я так и осталась стоять, пока не подъехал автобус.

На работе я проверила название больницы. Здание давно снесли. Первой ссылкой открылся материал о пожаре во время ремонта. В подписи к фотографии значилось: «Эвакуация проведена без пострадавших». На заднем плане стояла девочка лет восьми. Из-под взрослой куртки у неё выгляды-

вал жёлтый капюшон.

Девочка была похожа на меня.

Глава 2. Задняя сторона снимка

Андрей ждал у музея с двумя бумажными пакетами. В одном лежали пирожки из пекарни возле метро, в другом — груши, которые я терпеть не могла. Он перепутал мои слова о грушевом пироге с признанием в любви к грушам. Это была старая семейная шутка; раньше я бы обязательно напомнила. Сейчас взяла пакет и спросила, не замёрз ли он.

— Я на улице десять минут, — ответил Андрей. — Лиза, кто тебя расстроил?

— Мужчина в кофейне.

Он остановился. Я видела, как Андрей выбирает, что спросить первым: приставал ли он, знаю ли я его, нужно ли кому-то звонить. Наконец он произнёс:

— Ты хочешь рассказать сейчас или дома?

Мне хотелось, чтобы он обнял меня и сам понял всё остальное. Я понимала, что это невозможно, и почему-то злилась на него за невозможное. Пока мы шли к остановке, я рассказала про больницу, красную дверь и прозвище. О фотографии умолчала. Снимок слишком легко было объяснить случайным сходством, но тогда пришлось бы объяснять, отчего у меня дрожат пальцы.

— Капитан, — повторил Андрей. — Ты никогда не говорила, что тебя так называли.

— Потому что никто уже не называет.

— Я не это имел в виду.

Мы ждали трамвая. Женщина рядом держала за руку мальчика в непромокаемых сапогах. Он пытался наступить в каждую лужу и требовал, чтобы мать посмотрела. Я неожиданно увидела себя маленькой: жёлтая куртка, вода по щиколотку, чужая ладонь, которая торопливо тянет к двери. Вспышка прошла прежде, чем я успела решить, воспоминание это или картинка, придуманная после просмотра старой фотографии.

Дома Андрей разложил пирожки на тарелке и ушёл мыть руки. Я достала телефон, увеличила снимок из газетной заметки. На заднем плане виднелись три фигуры. Девочка, возможно я, стояла боком. Рядом женщина держала над головой папку вместо зонта. Лица почти не различались. На левом краю белела часть таблички, но от букв остались только нижние половины.

Мне стало досадно, что фотография не может просто сказать, кого на ней сняли.

— Можно? — Андрей указал на телефон.

Я дала ему посмотреть. Он не стал уверять, что девочка похожа на меня. Увеличивал край, возвращался к общему плану, поворачивал экран. Через несколько минут заметил:

— Здесь дата под снимком другая. В заголовке написано про пожар четырнадцатого октября, а в архиве — пятнадцатое.

Я нахмурилась. В таких заметках часто путали даты про-

исшествия и публикации. Он не нашёл разгадку; зато заметил то, чего я сама не увидела.

— Спасибо, — сказала я.

— За что?

— Что не сказал сразу, будто всё это глупости.

Андрей сел напротив. На столе остывали пирожки, он отломил кусок, не притронувшись к начинке.

— Я не считаю это глупостью. Но ты сейчас смотришь на меня как на человека, который обязан уже знать ответ.

Я хотела возразить. Не смогла. Мы оба устали, а его день тоже существовал, хотя я почти забыла спросить о нём. Андрей рассказал, что на работе не приняли его смету, и ему снова предстоит объяснять людям разницу между дешёвым ремонтом и безопасным. Я слушала, но часть разговора проходила мимо.

Позже он обнаружил груши в холодильнике.

— Ах вот зачем, — сказала я. — Решил, что если я их не съем, они будут ждать лучшей жизни?

— Я думал, ты любишь грушевый пирог.

— Люблю. Пирог, Андрей. В нём есть тесто.

Он рассмеялся. Я тоже. Смех получился коротким и почти виноватым, будто мы на минуту вышли из комнаты, где оставили что-то важное.

Ночью я проснулась и прошла на кухню. На подоконнике лежал старый альбом, который я привезла из маминой квартиры после похорон. Тогда я отложила его, не решившись

открыть: знала, что на каждой странице придётся узнавать человека, который больше не ответит. Теперь развернула обложку.

На первой фотографии мы стояли у реки. Мама держала меня за воротник синего пальто. Я выглядела недовольной и тянулась к воде. На следующей странице был день рождения, затем школьная линейка. Между ними пустовал пластиковый карман. Его края потемнели, словно туда много лет вставляли и вынимали один и тот же снимок.

Я села на пол, прислонившись к шкафу. В детстве меня удивляло, что мама не всегда знает, где лежат мои вещи. Сейчас я думала о том, сколько она могла помнить и всё равно не рассказывать.

В дверях появился Андрей.

— Ты опять здесь?

— Ищу одну фотографию.

Он сел рядом. Ничего не спросил. Из холодильника тихо щёлкнул компрессор. Мы просидели так несколько минут, пока я не сказала:

— Мне страшно, что я найду её. И что не найду — тоже.

— Давай хотя бы не будем искать по ночам, — ответил он. — Днём у нас больше ламп.

Это была не особенно удачная шутка. Но я закрыла альбом и пошла за ним.

* * *

В субботу я проснулась раньше Андрея. Первым делом

проверила телефон, будто мужчина из кофейни мог за ночь прислать мне готовое объяснение детства. Сообщений не было. В окне соседнего дома горел свет, кто-то вешал на батарею мокрые носки. Обычное утро раздражало своей безразличной нормальностью.

Я попробовала вспомнить нашу дорогу в больницу. Улица Мельничная существовала в моём городе столько, сколько я себя помнила. По ней мы ездили к бабушке, покупали на углу булочки с маком. Но больница стояла не на самой улице, а за двором складских зданий. Я открыла старую карту. От неё к нашему дому было сорок минут пешком. С какой стати мама могла оказаться там со мной? Возможно, у кого-то из знакомых родился ребёнок. Или мы зашли к врачу. Я перебрала привычные объяснения, пока они не стали звучать как чужие ответы в анкете.

Андрей проснулся и спросил, не собираемся ли мы в воскресенье к его сестре. Она давно приглашала нас на день рождения племянника. Я совершенно забыла об этом.

— Не знаю, — сказала я.

— Если не хочешь, можно не ехать. Только скажи заранее.

Он смотрел на меня с той осторожностью, которую я в последние дни принимала за раздражение.

— Мне нужно кое-что выяснить.

— Это может занять неделю. Или месяц. Я не хочу всё это время отменять жизнь.

Слова задели меня. Я сказала, что он эгоист. Андрей

встал, начал убирать чашки в посудомойку и попросил не ругаться до завтрака. Я ответила слишком громко, что не собираюсь ждать удобного времени, чтобы испугаться.

После этого мы замолчали. Он уехал за продуктами, я осталась одна. Через час меня пробрал стыд. Не за страх, а за то, что я хотела заставить другого человека чувствовать его так же сильно.

Я взяла лист бумаги и составила два столбца. Слева — то, что знала наверняка: в газете есть снимок, мужчина назвал детское прозвище, мама когда-то рисовала мне схемы дверей. Справа — то, чего не знала: была ли я в больнице, кто фотографировал, почему об этом не говорили. Оказалось, правый столбец почти вдвое длиннее.

Когда Андрей вернулся, я стояла у плиты и размешивала овсянку, которую никто из нас не любил.

— Это наказание? — спросил он.

— Да. За вчерашние груши.

Он улыбнулся, но не подошёл сразу. Я выключила конфорку и сказала:

— Извини за утро. Я не знаю, сколько это займёт. Но к племяннику съездим.

— Если ты будешь себя нормально чувствовать.

— Нормально я сейчас не чувствую. Это не значит, что мне не нужен день рождения.

Андрей обнял меня. Я не сразу ответила на объятие, потому что держала ложку, с которой капала каша. Он отсту-

пил, посмотрел на пятно на футболке и сказал:

— Хорошо, что ребёнок будет не только мой. У тебя явно больше опыта в обращении с опасными веществами.

Мы позавтракали у открытого окна. На улице раздавался шум дворников, а я всё ещё не знала, кому принадлежит девочка на старой фотографии. Но впервые подумала, что один неизвестный эпизод не должен украсть у меня всё остальное.

Глава 3. Не всё, что забыто

Я восстанавливала старые звукозаписи в городском музее. По работе целыми днями слушала шорох плёнки и чужие голоса, иногда разбирала подписи, сделанные десятки лет назад. Теперь мне было странно идти по знакомому коридору и думать о том, что я не знаю даже мамину прежнюю профессию.

В обед я позвонила тёте Тане, маминой старшей сестре.

— Ты помнишь больницу на Мельничной? — спросила я.

Она помолчала.

— Помню. Зачем она тебе?

— Я там была?

— Вы жили рядом. Могла быть.

— Тёть Тань. В день пожара.

В трубке заскрипело кресло. Она сказала, что у неё гости, и пообещала перезвонить. До вечера звонка не было.

Номер Павел оставил бариста. На обороте чека написал: «Если захочешь узнать, почему тебя звали Капитаном». Мне не понравилось, что он был так уверен: я вернусь.

Мы встретились на людной площади. Павлу было около тридцати пяти. На фотографии с сайта редакции он выглядел старше; вблизи у него оказалось неожиданно молодое лицо и усталый взгляд. На пальце — след от кольца, на сумке — нашивка службы спасения, выцветшая от дождей.

— Я помогал отцу в пункте добровольцев, — сказал он. — Мне было двенадцать. Мы приносили воду и одеяла. Тебя вывели из здания не сразу.

— Меня туда не водили.

— Тебя не госпитализировали. Ты пришла с мамой. Она была инженером на объекте и должна была проверить систему оповещения.

Я рассмеялась — коротко, зло. Мама преподавала математику.

— Она преподавала потом, — ответил Павел. — Ты можешь проверить.

Он достал не фотографию, а ксерокопию листа в клетку. Вверху было написано от руки: «Список людей у заднего выхода». Среди фамилий — мамина. После неё стояли ещё три буквы: «дочь».

— Откуда лист?

— Я сохранил копию. Оригинал исчез при переносе архива.

Андрей забрал меня не у музея, а от площади. В машине пахло мокрой шерстью: утром мы везли к ветеринару соседского пса, и на сиденье остался чужой плед. Андрей повернул обогрев на стекло и посмотрел на мои руки.

— Что-то случилось на работе?

— Кажется, я не знаю, кем работала мама.

Он не улыбнулся и не попросил объяснить «нормально». Включил поворотник, выехал со стоянки. Полквартала мы

ехали молча.

— Она что-то скрывала? — спросил он.

— Или меня от чего-то защищала. Не знаю, что хуже.

— Когда разберёшься, расскажешь. Если захочешь.

Я чуть не разозлилась: мне хотелось, чтобы Андрей сейчас же назвал Павла мошенником, а маму — хорошим человеком. Он молча довёз меня домой, пожарил картошку с грибами и налил чай. Перед сном спросил только, закрыть ли дверь. Я поняла, что так ничего ему и не рассказала.

Вечером тётя Таня всё же перезвонила. Услышав слово «инженер», она сказала:

— Твоя мама очень хотела, чтобы у тебя было обычное детство. Не делай из этого расследования.

После этих слов я долго не могла придумать следующий вопрос.

— А что это значит — обычное? — спросила я. — Чтобы я никогда не узнала, что она работала там?

Тётя долго шуршала чем-то в трубке. Потом произнесла: «Не по телефону». Мне захотелось бросить трубку. Я даже убрала палец на красную кнопку, но вместо этого спросила, во сколько завтра можно прийти.

— В субботу, — ответила она. — И, Лиз, дослушай меня сначала. Я тоже не всем довольна в этой истории.

Когда разговор закончился, Андрей спросил из прихожей, не заказать ли нам билеты в кино на выходные. Я хотела сказать, что мне теперь не до кино. Но он уже дважды переносил

встречу с племянником из-за моих внезапных дел. Я сказала: «Давай решим завтра». Он ответил: «Ты это вчера говорила». Не зло. От этого было неприятнее.

Глава 4. Старая коробка из-под печенья

Тётя Таня обещала перезвонить и не позвонила. Через день я отправила ей фотографию из газеты. Она ответила одним словом: «Вижу». Спустя час добавила: «Не спрашивай всё у телефона». Я прочла сообщение в раздевалке музея, где пахло мокрыми пальто и растворимым кофе. Мне захотелось бросить аппарат в шкафчик и оставить там до весны.

Вместо этого я поехала к ней после работы. Не предупредила. На лестнице долго выбирала слова, чтобы не начинать с обвинения. На площадке слова закончились. Я нажала звонок.

Тётя открыла в домашнем халате, с полотенцем на плече. Отступила в сторону, но не обняла меня. Раньше это было нашим приветствием: она могла обнять прямо в дверях, вместе с сумкой и мокрым зонтом.

— Я ненадолго, — сказала я.

— Так все говорят.

В кухне кипел суп. На стуле стояла коробка из-под печенья, та самая с нарисованным кораблём, которую я помнила с детства. В ней хранились пуговицы, нитки и лишние ключи. Тётя сняла коробку со стула, посадила меня, не спросив, голодна ли я. Сразу поставила тарелку.

— Ты видела фотографию? — спросила я.

— Видела.

— Там я?

Она перевернула ложку в руках. Не стала говорить «ты всё равно не поймёшь» или «давно было». Эти слова она, наверное, уже приготовила, но не произнесла.

— Похожа, — ответила наконец.

— Таня.

— Я не могу вспомнить, кто именно снимал. И какое на тебе было пальто. Мне было двадцать два, я тогда работала в две смены. Я не ходила за вами целый день.

— Но ты знаешь, была ли я в больнице.

— Знаю, что мама забирала тебя из того района. Потом вы обе приехали ко мне. Ты не отпускала её руку и весь вечер молчала.

— Из больницы?

— Лиза, я не видела, откуда вы вышли.

Я хотела заставить её сказать «да». Каждое осторожное слово казалось уклонением. И всё же я сама работала с архивом и знала: человеческая память не обязана хранить точную географию чужого вечера.

— Почему мне никто об этом не рассказывал?

— Мама пыталась. Ты тогда боялась лифта, красных дверей, громких хлопков. Потом страх прошёл. Она решила не напоминать.

Я посмотрела на тётю. Она не произнесла, что решение

было правильным. Кажется, и сама не знала.

— А если я хочу помнить?

Таня выключила плиту. Достала из коробки из-под печенья не пуговицы, а сложенный вчетверо листок. На нём была схема какого-то здания: два лестничных марша, прямоугольники палат, стрелки к выходу. Детской рукой возле одной стрелки нарисовали звезду.

— Мама дала мне это, когда вы вернулись, — сказала тётя. — Сказала: «Если Лиза спросит, где выход, покажи ей. Но лучше, чтобы больше не пришлось». Я держала лист здесь, потому что боялась выбросить. И потому, что не хотела смотреть.

Я осторожно развернула схему. Бумага была тёплая от её ладоней. Рядом со звездой маленькими буквами стояло «не туда». Я узнала почерк не сразу. Дома в альбоме было письмо, которое я в семь лет написала Деду Морозу: те же длинные хвостики у букв, неправильные пробелы между словами.

— Можно возьму?

Тётя кивнула. Потом сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.